

УДК 902/904

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПИСЕРАЛЬСКО–АНДРЕЕВСКОГО ТИПА

© 2018 г. С.Э. Зубов

Статья посвящена истории изучения памятников писеральско–андреевского типа и динамики накопления археологических объектов погребального характера. Не вызывающий у исследователей миграционный характер населения, оставившего эти интереснейшие памятники, нуждается в предельно четком понимании не только общих позиций, но и существенной разности памятников по отношению друг к другу. Именно в этом ключе рассмотрены особенности погребального обряда и различных точек зрения авторов раскопок, касающихся хронологизации погребальных комплексов указанного типа памятников и проблем этнокультурной интерпретации. Особое внимание было уделено вопросам методики раскопок и публикационной добросовестности авторов как важнейший фактор дальнейших исследовательских интерпретаций, обращающихся в своих работах к этим уникальным в историческом плане погребальным памятникам.

Ключевые слова: ранний железный век, Среднее Поволжье, писеральско–андреевский тип памятников, Писеральские курганы, Андреевский курган, Староардатовский курган, Климкинские курганы, Сергачский могильник, Пильнинские могильники, погребальный обряд, хронология.

В истории большинства регионов Восточной Европы бывали такие факты, явления и события, без анализа сущности которых просто невозможно понимание дальнейшего событийного ряда.

Для районов Средней Волги таким событием стало появление памятников писеральско–андреевского типа на заключительном этапе раннего железного века. Это время характеризуется значительными этнокультурными подвижками и, как следствие, формированием новой исторической картины Восточной Европы. Первые века нашей эры явились преддверием формирования средневековых этносов Поволжья.

То, что для региона Среднего Поволжья население, оставившее памятники писеральско–андреевского типа, было пришлым – факт общепризнанный большинством специалистов. Но существуют другие, обсуждаемые и донныне проблемы: откуда (из какого района) оно мигрировало, в каком регионе происходило сложение его культурной основы, какие элементы культуры других народов оно в себя впитало?

Памятники первых веков нашей эры в Нижнем Посурье Волго–Окского междуречья были открыты в 1958 г. А.Х. Халиковым в результате исследования небольшой курганной группы у д. Писералы Горномарийского района Марийской АССР (ныне Республика Марий Эл) (Халиков, 1962, с.116–138). В ходе раскопок было изучено 5 курганов, содержащих 21 погребение. Исследова-

тель сразу же отметил необычность этого некрополя среди памятников железного века Поволжья и Прикамья и датировал его II–III вв. н.э. Появление Писеральских курганов А.Х. Халиков связывал с инфильтрацией в правобережные районы Среднего Поволжья пьяноборского населения, что подтверждалось им также рядом находок этого типа от р. Суры до Казанского поворота Волги (Халиков, 1962, с. 133–138). Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволили автору раскопок сделать предположение о совершении части захоронений (10 из 20) на уровне древней поверхности, а другие захоронения располагались в неглубоких (20–70 см) могилах. Исследователь указывает, что над каждым из погребений сооружалась небольшая насыпь, над которыми впоследствии возводилась общая курганная насыпь (Халиков, 1962, с. 134).

Следует отметить, что в научных кругах того времени добротная публикация этого уникального во всех отношениях памятника не вызвала особого отклика до нового открытия – Андреевского кургана.

В 1958 г. в Мордовский научно–исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР учителем школы с. Андреевка М.Н. Крючковым были переданы археологические находки из кургана, собранные в результате разрушения могил при рытье картофельной ямы. В числе этих находок были пряжки, сюлгамы, палаш и фибула «Aucissa»

(Степанов, 1980, табл. 37). Последняя являлась достаточно надежным хроноиндикатором и соотносила находки из разрушенных могил с I в. н.э.

Лишь в 1963 г. П.Д. Степанов приступил к раскопкам Андреевского I кургана, расположенного вблизи с. Андреевка в Большеигнатовском районе Мордовии, которые были завершены в 1964 г. (Степанов, 1964, с. 206–267; Степанов, 1980). К началу исследования насыпь кургана была потревожена многолетними распашками, ее диаметр составлял около 30 м при высоте 0,6 м. Она состояла из чернозема, уровень дневной поверхности которого составлял около 0,2 м от материка. При раскопках 1963 г. для снятия насыпи использовался бульдозер, «работа которого была прекращена при появлении первых захоронений как в южной, так и в северной части кургана». Использование землеройной техники автором раскопок было признано неудовлетворительной, поэтому в 1964 г. доисследование кургана проводилось вручную, методом кольцевого перекидывания грунта. Однако и этот метод не оправдал себя, в результате чего определенные площади кургана были раскопаны не полностью. Конечно же, подобная методика не могла не сказаться на качестве раскопок, что вполне осознавал сам исследователь. В частности, он отмечал, что «небольшие площади кургана не были обследованы до грунтовой глины» (так исследователь называл материковый слой – С.3.) в связи с чем «можно предполагать, что могил было больше» (Степанов, 1964, с. 206; Степанов, 1980, с. 5). Думаю, что и планиграфическая фиксация могильных ям при использовании методики кольцевого перекидывания грунта далека от совершенства. Необходимо также отметить приблизительность или отсутствие в описании погребений отметок глубин залегания находок и костяков погребенных. У значительного числа погребений, впущенных в насыпь кургана, не выявлены контуры могильных ям. Поэтому размеры таких могил были даны приблизительно, по расположению находок. К тому же насыпь кургана была значительно потревожена норами землероев, в результате деятельности которых некоторые находки и кости скелетов могли быть существенно смещены. К этому следует добавить разрушения, произведенные в 1958 г. при рытье картофельной ямы. По рассказу очевидцев было разрушено около четырех погребений.

В результате этого процесс возведения насыпи Андреевского I кургана достаточно определенно П.Д. Степановым не был выявлен. Стратиграфической фиксации насыпи кургана не проводилось или, по крайней мере, до нас не дошли какие-либо свидетельства проведения этой работы. Бесспорно, первой была сооружена центральная могила 25, но была ли над ней возведена первоначальная насыпь или нет – точно не прослежено (Степанов, 1980, с. 13). Сам автор раскопок непоследователен в этом вопросе. В одном случае он считает, что сначала был возведен курган над основной центральной могилой, в полы которого по кругу были введены остальные грунтовые погребения (Степанов, 1980, с. 5), в другом – допускает покрытие единой насыпью всех грунтовых могил в один прием (Степанов, 1964, с. 220; Степанов, 1980, с. 13). А уже после сооружения кургана в насыпь были совершены впускные погребения более позднего времени.

В процессе работы над материалами и дневниками раскопок Андреевского кургана стали видны определенные несоответствия в критериях выделения П.Д. Степановым погребений как объекта погребально-ритуальных действий. Наиболее наглядно это прослеживается при оценке исследователем количества выявленных могил и содержащихся в них захоронений: в предварительной публикации 1964 г. – «вскрыто 50 могил», «расчищено 56 захоронений» (Степанов, 1964, с. 207), в монографическом исследовании, опубликованном в 1980 г. уже после смерти П.Д. Степанова (1898–1974 гг.) – «вскрыты 52 могилы», в которых было «обнаружено 59 захоронений» (Степанов, 1980, с. 3, 5).

Научно-исследовательская работа над памятником требует пересмотра опубликованных данных, которые нередко базируются на недоразумениях. Это тем более актуально, поскольку многие исследователи, обращаясь к материалам Андреевского кургана, принимают как аксиоматическую данность положения монографической работы 1980 г. В то же время уже отмечалось сомнение в точности планиграфической фиксации могильных ям Андреевского I кургана при использовании метода «перекидушек» при полном отсутствии стратиграфических наблюдений. Именно поэтому следует с большой осторожностью относиться к плану внутрикурганного пространства при реконструкциях очередности совершения погребений на памятнике (Ставицкий, 2017, с. 245).

Скрупулезный анализ погребальных комплексов Андреевского кургана, проведенный В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым, позволил нам рассмотреть те случаи, когда выделение погребений носит проблематичный характер (Гришаков, Зубов, 2009, с. 11–16). По нашему мнению П.Д. Степановым в Андреевском кургане было изучено достоверных 45 могил, содержащих 51 захоронение, в том числе одно погребение – коллективное с останками 4 захоронений, три погребения – с парными захоронениями. Из этого числа как минимум четверо погребенных (23, 25–4, 39, 51) имеют подчиненное значение (Гришаков, Зубов, 2009, с. 16). Из 51 захоронения 30 относятся к мужским, 15 – к женским и 6 захоронений неопределенного пола. Обращает на себя внимание значительное преобладание мужских захоронений над женскими. Следует отметить, что данное количество погребений не носит абсолютный характер, поскольку, как уже указывалось выше, примерно четыре могилы были разрушены при рытье картофельной ямы в 1958 г., да и самим П.Д. Степановым отмечалась возможность большего количества могил из-за недоисследованности небольших площадей кургана до материка.

Практически сразу после окончания археологических полевых работ исследователь опубликовал материалы Андреевского кургана в виде предварительного сообщения, которое, несмотря на небольшую вводную часть, содержало подробный дневник раскопок, наиболее близкий к оригиналу отчета (Степанов, 1964, с. 206–267). Уже тогда П.Д. Степанов отметил чрезвычайную близость «андреевских вещей к писеральским находкам», что «заставляет считать оба памятника, входящими в круг одной культуры, однако при племенном различии...» (Степанов, 1964, с. 220). Вместе с тем, в отличие от датирования Писеральских курганов А.Х. Халиковым II–III вв. н.э., он датировал материалы впускных погребений I–II вв. н.э., а грунтовых – ранее рубежа нашей эры (Степанов, 1964, с. 219–221). В декабре этого же года свою точку зрения на этнокультурный характер памятника, содержащего четыре компонента – позднегородецкий, пьяноборский, сарматский и древнемордовский, – исследователь подтвердил на научной сессии по этногенезу мордовского народа, состоявшейся в Саранске (Степанов, 1965, с. 47–52). Именно здесь постулируется древнемордовская принадлежность населения, оставившего этот интересный во всех отношениях памятник.

Не вдаваясь в оценочные характеристики этнокультурных построений автора раскопок – это работа ближайшего будущего – хочу отметить весьма противоречивое разделение выявленных могил П.Д. Степановым на «грунтовые» и «впускные». Под грунтовыми подразумевались погребения, впущенные в материковую глину, а впускные относились к тем захоронениям, которые находились в насыпи кургана. Не вдаваясь в подробности авторской терминологии и последовавшей за ней путаницы, хочу отметить, что подобное разделение явилось крайне неудачным, а некоторые исследователи на основании этого деления даже предположили существование двух самостоятельных могильников в одном кургане, «оставленных разными группами населения и относящихся к разному времени» (Смирнов, 1992, с. 3)

В 1965 г. П.Д. Степанов раскопал курган № 2, который располагался в 0,3–0,4 км к юго-востоку от кургана № 1; в нем исследователем не было обнаружено следов захоронений. П.Д. Степанов, несмотря на обнаруженный под насыпью развал сосуда с псевдорогожными отпечатками, ссылаясь на письменные источники XVII в., предпочел трактовать курган как ритуальный памятник позднесредневековой мордвы. Соответственно, материалы не были опубликованы и интерпретированы на фоне памятников писеральско-андреевского круга.

В 1967 г. П.Д. Степановым был исследован еще один памятник круга писеральско-андреевских древностей – курган около с. Старое Ардатово Ардатовского района Мордовии, единственное погребение которого он соотнес с грунтовыми погребениями Андреевского кургана (Степанов, 1974, с. 70–72). Диаметр насыпи Староардатовского I кургана к моменту исследования его П.Д. Степановым составлял 20 м при высоте 0,5 м. Учитывая неудачный сценарий археологического изучения Андреевского кургана, раскопки Староардатовского кургана велись вручную траншеями, которые были разделены на квадраты.

Судя по приведенному в отчете стратиграфическому разрезу, мощность насыпи составляла 0,5 м, погребенной почвы – около 0,6 м. На уровне дневной поверхности были зафиксированы два мощных материковых выкида из могилы, обнаруженной в центре кургана. В плане могила имела подквадратную форму, вытянутую по линии СЗ–ЮВ, длиной 2,6 м при ширине 1,9–2,0 м. На глубине 1,2 м

от верха кургана (0,7 м от уровня погребенной почвы) были обнаружены отпечатки поперечных плашек и следов древесного перекрытия, опирающегося на широкие (около 0,60–0,65 м) продольные материковые плечики. Погребальная камера имела в длину 2,6 м при ширине 0,7 м и глубине дна 2,3 м от верха кургана.

В могиле был захоронен мужчина–воин. Погребенный был положен на спине головой к юго–востоку с вытянутыми вдоль туловища руками. Под костяком прослежена подстилка из продольно расположенных деревянных плашек. Сверху он был покрыт лубом. При погребенном находился вещевой материал, позволяющий связать его с древностями писеральско–андреевского типа и датировать его примерно серединой I в. н.э. (Гришаков, 2000, с. 52–53; Гришаков, Зубов, 2009, с. 65).

Интересно, что это погребение являлось впускным в древний курган эпохи бронзы. В этой связи закономерно возникает вопрос. Не могли ли «андреевцы» также использовать древнюю насыпь для захоронения своих сородичей? Ведь огромная центральная могила 25 Андреевского кургана могла полностью разрушить более древнее захоронение. Такое соображение возникло в связи с топографической схожестью расположения курганов – на господствующей высоте водоразделов.

На следующий год П.Д. Степанов предпринимает раскопки селища, расположенного близ Андреевского кургана. Памятник располагается в 0,6–0,7 км к востоку–юго–востоку от кургана № 1 и в 0,5 км к востоку–северо–востоку от кургана № 2. Культурный слой мощностью до 0,3 м был сильно потревожен ежегодной распашкой. Концентрация подъемного материала фиксировалась на площади около 6000 кв. м (Степанов, 1974, с. 76), хотя, безусловно, первоначальная территория памятника была существенно меньше. Поселение исследовалось 7 траншеями общей площадью 164 кв. м. Следов каких–либо сооружений на памятнике не выявлено (Гришаков, Зубов, 2009, с. 57).

Археологические исследования показали, что селище использовалось населением, оставившим одноименный некрополь (Степанов, 1964, с. 246; Степанов, 1974). К сожалению, никаких отчетных материалов и публикаций по этому поводу нет, кроме выжимки из шести строк по отчету аспиранта Ю.Б. Степашкина (Степанов, 1964), который найти не удалось. В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым Андреевскому селищу

была посвящена небольшая глава монографии (Гришаков, Зубов, 2009, с. 57–61), где его материалы были отнесены к середине – третьей четверти I в. н.э. и указывалась несомненная связь этого археологического объекта с Андреевским I курганом (Гришаков, Зубов, 2009, с. 61).

Здесь следует отметить, что С.Э. Зубовым в 2015 г. был произведен визуальный осмотр местности и на поверхности пашни были тщательнейшим образом зафиксированы все обнаруженные фрагменты керамики. Их нанесение на картографический материал дало локализацию находок на площади 20x50 метров. При этом распространение находок в длину соотносилось с направлением распашки. Таким образом, до запланированных новых археологических раскопок можно предварительно определить это местонахождение как ритуальную площадку, расположенную в непосредственной близости от курганных насыпей. Небольшие размеры площадки с находками и само ее расположение на водоразделе вдали от водотоков позволяют усомниться в справедливости отнесения данного участка к селищу и требует дополнительной проверки археологическими методами. Учитывая большое количество траншей, которыми исследовалась территория с распространением подъемного археологического материала, можно предположить, что траншеи закладывались в местах наибольшего скопления керамики, которые маркировали одну или несколько ритуальных площадок.

Параллельно с полевыми исследованиями П.Д. Степанов вел большую работу по интерпретации полученных артефактов. В последующие годы П.Д. Степанов выпустил ряд небольших заметок по отдельным артефактам памятника (Степанов, 1969; Степанов, 1973). Тогда же римские импорты из Андреевского кургана привлекли внимание исследователей (Кропоткин, 1969; Кропоткин, 1970; Генинг, 1970; Шилов, 1972; Шилов, 1975). И, наконец, в 1980 г., уже после кончины П.Д. Степанова, вышла в свет обстоятельная монография автора с расширенной интерпретационной частью андреевских материалов, в которой была представлена его откорректированная концепция. В частности, автор соотнес сооружение кургана и его грунтовые погребения с вторжением в местную среду «конников–завоевателей савромато–сарматского происхождения». Во впускных же погребениях были похоронены «...люди времен городищевой культуры, но воспринявшие и пере-

работавшие элементы культуры ананьинских и пьяноборских племен, то есть создатели древнемордовского культурного комплекса» (Степанов 1980, с. 46–47). В дальнейшем именно андреевские погребальные комплексы, достаточно хорошо документированные, стали эталонными для разработок периодизации и хронологии писеральско–андреевских древностей, а также для их интерпретации в контексте этнокультурной истории Поволжья в финале раннего железного века.

Только лишь спустя четверть века после раскопок Староардатовского кургана список памятников писеральско–андреевского типа пополнился раскопками Климкинской курганной группы, расположенной в 4,5 км от Писеральских курганов, на коренном берегу р. Мал. Юнга. Курганы № 1 и № 2 были расположены параллельно реке в непосредственной близости друг от друга, расстояние между насыпями не превышало 2–3 метров. Третий курган климкинской группы, осмотренный еще до Первой мировой войны профессором Казанского университета А.А. Штукенбергом, был сnivelирован в конце 1920–х гг. хозяевами приусадебного участка (Михеев, 2009, с. 81).

Отмеченный полевыми работами 1958 г. могильник (Халиков, 1958) впервые подвергся раскопкам в 1991 и 1993 гг. Г.А. Архиповым и А.И. Шадриним. В течение двух полевых сезонов был исследован курган № 1, под насыпью которого было изучено 19 захоронений. Материалы раскопанного кургана исследователи без всяких сомнений соотнесли с писеральско–андреевским кругом памятников (Архипов, Шадрин, 1995, с. 119). По совокупности всех наблюдений исследователями была предложена реконструкция оформления курганной насыпи, которая заключается в заполнении «центральных рядов грунтового могильника, где ориентирами погребений, видимо, являлись столбы или вешки, оставившие следы в контурах могил, площадка была сnivelирована и сделана ритуальная насыпь... Затем последовательно были насыпаны два слоя, перекрывшие все центральные погребения» (Архипов, Шадрин, 1995, с. 111). Исследователи этого кургана зафиксировали новый признак погребальной обрядности памятников писеральско–андреевского типа, заключающийся в рядном расположении погребений под насыпью кургана с устойчивой ориентировкой – хорошо читаются два ряда погребений в центральной части кургана.

Датировка материалов погребальных комплексов была дана без аргументации и

необоснованно омоложена его исследователями до III–IV вв. (Архипов, Шадрин, 1995, с. 119).

В 2003–2004 гг. А.В. Михеев исследовал курган № 2, находящийся в непосредственной близости от юго–западной полы кургана № 1 (Михеев, 2004; Михеев, 2005). В течение двух полевых сезонов раскопками было выявлено 9 погребений. Интересно отметить, что расположение погребений, выявленных под насыпью кургана № 2, заметно отличается от предыдущего. Под насыпью кургана было выявлено три погребения, одно из которых было совершено на «древнем дневном горизонте» (Михеев, 2009, с. 83). Остальные захоронения находились на границе или за пределами насыпи. Причем, эти могилы формируют два ряда по три могилы с западной и восточной стороны насыпи.

Всего под насыпями двух курганов Климкинского могильника было исследовано 28 захоронений. Расположение рядных грунтовых погребений вне курганных насыпей позволило А.В. Михееву отнести могильник к типу курганно–грунтовых и датировать его по аналогиям вещевому инвентарю исследованных захоронений первыми веками нашей эры (Михеев, 2009, с. 85–86). Возможно, с излишней оглядкой на А.Х.Халикова и Г.А. Архипова с А.И. Шадриним для писеральско–климкинской группы была определена хронологическая позиция, несколько омолаживающая верхнюю границу «в пределах III в. н.э. (может быть до середины III века)» (Зубов, Михеев, 2006, с. 216).

Еще почти двадцать лет после раскопок Климкинского кургана потребовалось на то, чтобы найти новые памятники подобного рода. В 2010 г. С.Э. Зубовым, Н.А. Лифановым и О.А. Радюшем были найдены два могильника первых веков нашей эры на территории Пильнинского района Нижегородской области (Зубов и др., 2011).

Пильнинский I грунтовый могильник расположен на мысу коренной террасы реки Анда, левого притока р. Пьяны. На слабо выраженном склоне мыса было зафиксировано около 50 грабительских вкопов. Часть материалов, изъятых мародерами, была получена Государственным Историческим музеем. Коллекция была представлена предметами вооружения и конского снаряжения, поясной гарнитуры, украшениями одежды и пр. Все вещи из грабительских раскопок датируются в пределах I–II вв. н.э. (Зубов, 2011). Интересно, что с севера и с юга площадка могильника

ка ограничена двумя валами длиной 35 и 25 м, пересекающими гребень мыса. Ширина валов – 2–2,5 м, высота 0,15–0,20 м. За внешними пределами валов грабительских вкопов не зафиксировано.

В 130 м от южного вала на склоне мыса коренной надпойменной террасы расположена эскарпированная площадка. С напольной (северной) стороны проходящий через нее гребень мыса эскарпирован с двух сторон, в результате чего попасть на площадку можно только по узкому (не более 4–5 м) проходу длиной около 30 м. Размеры основной части площадки – 25×60 м. В северной части площадки от нее в северо-западном направлении отходит эскарпированный участок мыса длиной около 35 м, заканчивающийся округлой площадкой диаметром около 10 м.

На площадке был заложен рекогносцировочный шурф размерами 1×2 м. Находок в шурфе не было обнаружено, однако искусственное происхождение данного объекта не вызывает сомнений. Близость могильника вполне позволяет предположить ритуальное использование площадки как святилище или место совершения обрядов, предшествующих захоронению.

На низком мысообразном отроге второй надлуговой террасы, в 200 м от мыса, на котором расположен Пильнинский I могильник, разведочным шурфом было выявлено мужское захоронение (35–40 лет), погребальный инвентарь которого можно соотнести с материалами писеральско-андреевского типа памятников и датировать I–III вв. н.э. Это костяные и железные наконечники стрел, бронзовая пряжка с железным язычком, округло-вытянутая бусина глухого серебристого цвета. Вдоль правого бедра лежал железный меч плохой сохранности (Зубов и др. 2011; Зубов, 2011, рис. 42, 43).

В 2010 г. В.В. Гришаковым были введены в научный оборот материалы Сергачского могильника «Кожина слобода» (Гришаков,

2010). Эти материалы объединяют три разрушенных в 1891 г. погребения, которые были обнаружены при проведении общественных земляных работ на северо-западной окраине г. Сергач в местности «Кожина слобода», и пять захоронений, которые доисследовал в следующем, 1892 г. В.И. Снежневский (Снежневский, 1894, с. 10–16). По свидетельству В.В. Гришакова коллекция хранится в Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (инв. № 4014), отреставрирована Д.С. Таловиным и находится в хорошем состоянии. Материалы этого могильника В.В. Гришаков соотнес с древностями писеральско-андреевского круга и датировал сергачские комплексы в рамках II в. н.э. (Гришаков, 2010, с. 113).

Таким образом, на сегодняшний день насчитывается семь погребальных памятников, относящихся к писеральско-андреевскому типу, три из которых курганные, один – курганно-грунтовый и два – грунтовые. Сергачские комплексы соотнести с курганным или грунтовым обрядом захоронения не представляется возможным.

Хронологическая позиция этих памятников преимущественно соотносится с I–II вв. н.э., а в историко-культурном плане все исследователи отмечают пришлый характер населения, оставившего эти могильники. Археологические объекты данного культурного типа отражают миграционные процессы милитаризованного населения (Зубов; 2007; Гришаков, Зубов, 2009; Зубов, 2011) на территории Восточной Европы в начале эпохи Великого переселения народов, что определяет их сугубую важность для исторической науки.

Историографическому анализу различных взглядов специалистов на датировку и этнокультурную атрибуцию погребальных комплексов этих интересных памятников

будет посвящена специальная работа, позволяющая увидеть широкий спектр мнений, гипотез и отдельных наблюдений.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А., Шадрин А.И. Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24. / Науч. ред. В. В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1995. С. 110–129.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 10. Ижевск: УРКМ, УГУ, 1970. 260 с.

Гришаков В.В. Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско–писеральского горизонта // Древности Окско–Сурского междуречья. Вып. 2. Саранск, 2000. С. 44–54.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории АН РТ. 2009. –173 с., ил. 21,7 усл. печ. л.

Зубов С.Э. Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1990–1966). Материалы Международной конференции (20–22 апреля 2007 г.) Уфа: Китап, 2007. С. 239–246.

Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско–андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек (теоретический и научно–методический журнал). 2011. № 1. С. 13–30.

Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско–андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо–сарматское время. Сборник статей к 70–летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225.

Кропоткин В.В. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. 1969. № 119. С. 32–36.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1970. 280 с.

Михеев А.В. Отчет о работах, проведенных на Климкинском курганном могильнике (Горномарийский район Республики Марий Эл). Йошкар–Ола, 2004 // Архив ИА РАН, Р–1. НРФ МарНИИ, Оп. 1, д. 1079. 12 с. с прил.

Михеев А.В. Отчет о работах, проведенных на Климкинском курганном могильнике (Горномарийский район Республики Марий Эл). Йошкар–Ола, 2005 // Архив ИА РАН, Р–1. НРФ МарНИИ, Оп. 1, д. 1091. – 17 с. с прил.

Михеев А.В. Климкинский могильник (по материалам исследований 2003–2004 гг.) // Древняя и средневековая археология Волго–Камья. Сборник статей к 70–летию П.Н. Старостина. / Отв. ред. Д.Г. Бугров. / Археология евразийских степей. Вып. 10. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С.81–91.

Смирнов К.А. О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго–Донья: материалы научной конференции. (Пенза, 23–27 января 1992 г.) Пенза: ПГОКМ, 1992. С. 3–6.

Снежневский В.И. Отчет о раскопках могильника в Кожинной слободе близ г. Сергач, произведенных им при участии члена комиссии А.И. Мельникова 4–7 мая 1892 года // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 12 – 14 / Под ред. А.С. Гациского. Н. Новгород: Типография нижегородского губернского правления, 1894. С. 10–15.

Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско–андреевского горизонта // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 244–258.

Степанов П.Д. Андреевский курган (предварительное сообщение) // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 27. Саранск: Мордовское кн. изд.–во, 1964. С. 206–267.

Степанов П.Д. Андреевский курган // Этногенез мордовского народа (Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года). Саранск: Мордов. кн. изд.–во, 1965. С. 47–52.

Степанов П.Д. Южные связи Среднего Поволжья в I тыс. н. э. // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 221–227.

Степанов П.Д. Военские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. 1973. № 136. С. 86–91.

Степанов П.Д. Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967–1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45. Саранск: Мордовское кн. изд.–во, 1974. С. 76, 78–81.

Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордов. кн. изд.–во, 1980. 108 с.

Халиков А.Х. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год / НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 84. Казань, Йошкар–Ола, 1958.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. ТМАЭ. Йошкар–Ола, 1962. Т. II. С. 7–187.

Шилов В.П. Бронзовая чаша Андреевского кургана // СА. 1972. № 2. С. 192–194.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 208 с.

Информация об авторе:

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, заведующий Научно–исследовательской лабораторией археологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru.

**HISTORY OF THE STUDY
OF THE PISERALY–ANDREEVKA TYPE OF SITES**

S.E. Zubov

The article is dedicated to the history of studying monuments of the Pisarelsky–Andreevo type and the dynamics of accumulation of archaeological items with a funerary nature. The migratory nature, indisputable among the researchers, of the population that left these most fascinating monuments, requires a perfectly clear understanding of not only the common features, but also the essential difference of monuments with respect to each other. The characteristics of the funeral rite and the different opinions of the authors of excavations concerning the chronology of this type of funerary complexes and the issues of ethnocultural interpretation are considered from this viewpoint. Particular attention was paid to the excavation methods and the good publication practice of the authors, considered to be the most significant factor of future research interpretations, who refer in their works to these historically unique funerary monuments.

Keywords: Early Iron Age, Middle Volga Region, Piseralsk–Andreevo monuments, Piseralsk barrows, Andreevo barrows, Staroyardatovo barrows, Klimkino barrows, Sergach burial mound, Pilnino burial mound, funeral rite, chronology.

About the Author:

Zubov Sergey E., Candidate of Historical Sciences. Samara National Research University named after S.P. Korolev. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; guberfond@rambler.ru.